

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

ЧАСТЬ 3

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВ

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 3

«Автор»

2026

Максимов А.

До пяти десяти. Часть 3 / А. Максимов — «Автор», 2026

Расследование смерти Даниила Ветрова больше не ограничивается семью признаниями. Следы ведут к людям, чьи биографии были переписаны так же тщательно, как чужие воспоминания. Проверяя собственное прошлое, Яна Левина обнаруживает подписи, документы и маршруты, которые доказывают: семеро признавшихся никогда не были случайными участниками одной ночи. Их связывает система, созданная задолго до убийства Ветрова. Чтобы понять, кто управлял этой системой, Яне придётся раскрыть тайну мальчика за стеклом, установить личность седьмого носителя и выяснить, почему Ветров выбрал именно её. Но чем ближе ответ, тем опаснее становится вопрос: расследует ли Яна чужой замысел — или всё ещё выполняет его? Третья часть мистического детектива «До пяти десяти».

© Максимов А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 3

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

Детективный роман

Часть третья. Чужая жизнь

Глава 15. Чужая подпись

У файлов нет памяти.

Только история изменений, которую люди по привычке принимают за прошлое.

В 5:10 Яна закрыла папку семилетней давности. На экране ноутбука всё ещё стояли свойства аудиофайла: дата создания, размер, кодек и имя автора.

Михаил Савельев.

Марков прочитал строку ещё раз, будто при третьем прочтении имя должно было признаться само.

— Метаданные подделываются за минуту.

— Поэтому не будем верить имени, — сказала Яна. — Проверим подпись.

— Какую?

Она повернула к нему аудиоплеер из старого дела.

— Ту, которую человек оставляет, когда уверен, что все смотрят на текст.

Эксперт снял второй чип под аккумулятором и поместил его в считыватель. На нём находился один файл — семнадцать минут вопросов, семь нисходящих нот и команда голосом Ильи Воронцова:

Теперь вспомни, что сделал.

В 2019 году Илье было девятнадцать. Он учился на втором курсе архитектурного института и пришёл в районный отдел с окровавленной рубашкой. Рассказал, как зарезал Полину Арсеньеву в её квартире. Назвал цвет ножа, музыку из соседней комнаты, положение тела и последние слова девушки.

Одиннадцать дней все считали дело законченным.

Кроме Яны.

Она нашла настоящий нож в вентиляционном канале соседнего дома. На рукояти были следы Сергея Нечаева, знакомого Полины. Его кровь обнаружилась под ногтями погибшей. Нечаев признался после предъявления экспертиз и получил двадцать два года.

Илью освободили.

Тогда Яна решила, что спасла человека от чужой ошибки.

Теперь выяснялось: ошибку изготовили специально для неё.

— Поднимай всё, — сказала она. — Не итоговый том. Черновики, журнал выдачи, копии с камер, мои блокноты. И самого Воронцова.

— Сейчас пять утра.

— Семь лет назад он пришёл признаваться в четыре двадцать. Возможно, ранние визиты его больше не удивляют.

* * *

Илья Воронцов приехал в 7:03.

За семь лет он стал худее, отпустил бороду и научился смотреть на полицейские двери без желания немедленно назвать преступление. Работал архитектором, был женат, ждал ребёнка. О деле соглашался говорить только при включённой записи.

— Я не помню убийство, — сказал он, прежде чем Яна успела задать вопрос. — Если вы хотите узнать, вернулась ли память, нет. Вернулось только понимание, что она была не моей.

— Кто дал вам плеер?

— Его нашли у меня в кармане.

— До признания.

Илья посмотрел на устройство в прозрачном пакете.

— За три дня ко мне приходил мужчина.

В старых показаниях этой фразы не было.

— Почему вы не рассказали?

— Рассказывал. Следователь сказал, что на камерах никого нет и я придумываю способ отказаться от признания.

Яна открыла протокол первого допроса. На двадцать третьей странице стоял вопрос: «Кто сообщил вам подробности убийства?» Ответ: «Никто».

— Здесь вы сказали другое.

— Здесь напечатано другое.

— Вы подписали.

— Я подписал признание в убийстве. На этом фоне одна пропущенная фраза не казалась главным обманом.

Марков положил перед ним фотографию Ветрова.

— Этот мужчина?

Илья посмотрел и покачал головой.

— Нет.

Яна ожидала узнавания. Именно поэтому не стала задавать вопрос второй раз.

Соколова подготовила другой снимок. Судебные антропологи убрали с лица Ветрова последние операции, вернули более узкий подбородок, прежнюю форму носа и асимметрию скул. Реконструкция не была фотографией человека. Только вероятным лицом, которое могло существовать между хирургическими вмешательствами.

Илья увидел его и вцепился пальцами в край стола.

— Он.

— Как представился?

— Михаилом.

— Фамилия?

— Не называл. Сказал, что работает с людьми, которые помнят слишком много.

— Что происходило во время встречи?

— Он показывал фотографии квартиры Полины. Спрашивал, что я вижу. Потом просил описать снимки так, будто нахожусь внутри. На одном была кровь. На другом нож. Потом он включил мой голос.

— Откуда у него была запись?

— За неделю до этого мне позвонили из университета. Попросили пройти опрос о безопасности общежития. Я отвечал минут двадцать.

— Какие вопросы задавали?

— Как зовут. Где живу. Кого боюсь потерять. Что сделаю, если близкий человек попросит помочь скрыть преступление.

— Почему вы согласились?

Илья пожал плечами.

— Люди отвечают на глупые вопросы, если им сначала правильно называют факультет.

Яна включила фрагмент файла. Голос Ильи спрашивал самого себя:

— Какого цвета был нож?

Запись отвечала:

— Синий.

— Что сказала Полина?

— Не закрывай дверь.

Илья отвернулся.

— Вы нашли ошибку в двери, — сказал он.

— Да.

В квартире Полины стояла старая дверь с пружинным доводчиком. После освобождения ручки она закрывалась за две секунды. Согласно признанию Ильи, девушка произнесла последние слова уже после того, как он вышел на лестницу. Услышать их через закрытую дверь он не мог.

Одна настоящая деталь разрушила совершенную сцену.

— Михаил знал про доводчик? — спросила Яна.

— Он семь раз заставил меня сказать, что дверь была открыта. А в конце тихо произнёс: «Если Левина заметит пружину, имя ей не повредило».

Марков перестал писать.

— Какое имя?

— Не знаю. Я тогда решил, что речь о вашей фамилии.

Яна закрыла протокол.

Ветров не просто ожидал, что она найдёт шов. Он проверял последствие процедуры, проведённой над ней в 2010 году.

И для проверки использовал девятнадцатилетнего человека как расходный материал.

— Он объяснил, почему выбрал вас? — спросила она.

— Сказал, что у нас с Полиной есть общая фотография и настоящее чувство вины. Я не пришёл на её звонок в вечер убийства. Думал, она снова поссорилась с Нечаевым и помирится сама.

— Поэтому ложь удержалась.

— Поэтому я помог ей удержаться, — поправил Илья. — Не делайте вид, что всё произошло только со мной.

Яна кивнула.

— Не буду.

* * *

Её рабочий блокнот за 2019 год нашли в архивной коробке.

На первых страницах были обычные записи: время осмотра, фамилии экспертов, номера пакетов. Потом почерк становился мельче. Яна разделила один лист на семь колонок.

Что видел сам.

Что мог слышать.

Что узнал после.

Версия от лица Полины.

Версия виновного.

Версия спасителя.

Рассказ без имён.

Марков положил рядом описание метода Ирины Савельевой.

— Ты провела семь положений, не зная, что они называются семью положениями.

— Я разложила признание по источникам.

— В том же порядке.

— Порядок логичный.

— Настолько логичный, что его придумали два человека с разницей в двадцать семь лет.

На последней странице блокнота было приклеено квадратное бумажное поле. Яна помнила свои пометки, но не это.

На нём чужим почерком стояло:

Положение 8 пройдено. Источник отделён от рассказа. М. С.

Эксперт осмотрел лист под боковым светом.

— Наклеено давно. Бумага состарилась одинаково. Отпечатков нет.

— Кто имел доступ к вещдокам? — спросила Яна.

— Слишком многие, — ответил Марков. — Но к твоему личному блокноту?

Она вспомнила один день после оправдания Ильи. Пресс-конференция, коридор суда, десятки рук, папки на подоконнике. Мужчина в форме курьера принёс ей конверт без обратного адреса. Внутри был только лист с фразой: «Правильный ответ не доказывает, что вопрос был честным».

Тогда она выбросила лист.

Теперь поняла, что курьер забрал не только пустой конверт.

* * *

Результат лаборатории пришёл в 9:46.

Соколова принесла его сама и положила между фотографией Ирины Савельевой и снимком мёртвого Ветрова.

— Митохондриальный профиль крови из комнаты совпадает с Ветровым, — сказала она.

— Такая линия передаётся от матери всем детям.

— Кровь могла принадлежать Ирине, — сказал Марков. — А Ветров — её сыну.

— Могла. Для прямого родства нужен ядерный материал. Но у нас есть медицинская карта Миши из закрытого учреждения. В ней сохранился удалённый молочный зуб.

— Люди хранят странные вещи.

— Благодаря этому люди иногда получают имена обратно.

Соколова раскрыла вторую страницу.

— Корень зуба и ДНК Ветрова принадлежат одному человеку. Вероятность ошибки меньше одной на миллиард.

Яна посмотрела на мальчика с фотографии 1990 года.

Одиннадцатилетний Миша стоял возле матери и ещё не знал, что следующие тридцать шесть лет проведёт внутри чужих лиц.

— Даниил Ветров был Михаилом Савельевым, — сказал Марков.

— Был, — ответила Яна. — Теперь выясним, кем он решил стать.

На обороте лабораторного заключения лежала копия карточки из детского учреждения. В графе «лицо, забравшее воспитанника» стояла фамилия:

Вольский.

Глава 16. Биография свидетеля

Чужую жизнь нельзя обнаружить целиком.

Она выдаёт себя швами: справкой, которой не должно быть, фотографией с неправильной датой, человеком, помнящим вас под именем, которого вы никогда не слышали.

Яна начала проверку собственной биографии с заявления об отводе.

Не от дела — от всех экспертиз, связанных с её документами. Материалы передали трём группам, которым не сообщили общую версию. Одна проверяла детство, другая — академию и 2010 год, третья — семейные документы. Результаты должны были поступать Маркову отдельно.

— Если хотя бы две группы созвонятся, меняем состав, — сказала Яна.

— Они всё равно прочитают новости.

— В новостях пока два одинаковых трупа и семь сумасшедших. Это почти защита следствия.

— Ты не включила себя в список сумасшедших.

— Я составляла его как должностное лицо.

Марков посмотрел на неё поверх папки.

— Заявление об отводе подписывает начальник.

— Я знаю.

— И что ты сделаешь, если подпишет?

— Проверю, на каком основании.

— Значит, ничего не изменится.

— Изменится подпись.

* * *

Первой пришла школьная фотография 1998 года.

Восемь девочек стояли у доски. Яна была третьей слева, с короткой стрижкой и заклеенным пластырем подбородком. На обороте — семь подписей одноклассниц. Четверых нашли в городе, двоих за границей, одна умерла.

Все четверо помнили Яну.

Не имя из классного журнала, а девочку, которая прятала контрольные по математике под обложкой учебника истории, не ела варёный лук и однажды разбила окно мячом, после чего три недели приходила раньше всех, чтобы мыть полы.

Эти воспоминания нельзя было изготавить одной записью.

— Значит, детство настоящее, — сказал Марков.

— Детство происходило. Это не то же самое.

— Иногда ты умеешь испортить даже хорошую экспертизу.

Медицинские документы подтвердили непрерывную жизнь Марии Левиной до февраля 1996 года. Затем на одиннадцать дней она исчезала из городской больницы и появлялась в отделении Вольского под кодом L-2. После выписки в школьном журнале впервые возникло имя Яна.

Учительница не помнила, кто сообщил о замене.

В архиве сохранилась записка отца: «Просим считать прежнее имя домашним и не использовать».

— Он написал это сам? — спросила Яна.

— Почерковед подтверждает, — ответил Марков. — Давления на бумаге нет, чернила соответствуют году.

— Добровольная подпись не доказывает добровольного решения.

— Знаю. Ты меня плохо воспитывала, но долго.

Академия оказалась чище. Вступительные работы написаны Яной. Отпечатки на личном деле её. Сокурсники помнили её спор с преподавателем криминалистики, сломанную на тренировке рацию и привычку считать окна на фасадах.

Никто не направлял её в следствие. Отец хотел, чтобы она стала экономистом. Мать — чтобы не работала по ночам. Яна выбрала академию сама.

Эта часть жизни не была подарком Ветрова.

Мысль принесла облегчение, и Яна сразу отнеслась к нему с подозрением.

Отдельно нашли её вступительное сочинение по криминалистике. Тема звучала скучно: «Пределы достоверности свидетельских показаний». Семнадцатилетняя Мария Левина написала на полях фразу, из-за которой преподаватель снизил оценку:

Свидетель сообщает не событие. Он сообщает последнюю версию события, с которой перестал спорить.

Преподаватель — отставной полковник Борис Андреевич Лапшин — был жив. Он помнил работу, потому что вызвал абитуриентку на дополнительное собеседование.

— Я спросил, откуда она это взяла, — рассказал он по видеосвязи. — Она ответила: «Мама семь раз рассказывала, как я разбила кружку. В каждом рассказе менялось место, но я всё равно помню кухню». Я решил, девочка умничает.

— Это было до 2010 года? — спросил Марков.

— До поступления. В две тысячи седьмом.

— Кто-нибудь мог подсказать формулировку?

— Конечно. Людям всё можно подсказать. Поэтому я дал ей другую задачу. Показал три показания об одной краже и спросил, кто врёт.

— Что она ответила?

— «Пока неизвестно. Но один из них слышал показания остальных».

Лапшин улыбнулся.

— Тогда я вернул балл.

После разговора Яна долго смотрела на скан сочинения. Бумагу проверили, журнал выдачи сохранился, Лапшин не был связан ни с Вольским, ни с клиникой.

Способ думать существовал раньше комнаты 2010 года.

Ветров мог использовать его, проверить, даже превратить в часть собственного плана.

Но не создал.

* * *

Руку с кольцом исследовали отдельно.

Запись 2010 года была плохой, но на четырёх кадрах виднелся шрам у основания большого пальца. У Олега Павловича такого шрама не было. Зато он сохранился на правой руке Ветрова — тонкий полукруг от старого пореза.

Кольцо изготовили по семейной фотографии. На тёмной полосе повторялся дефект, который существовал только на снимке: царапина на стекле проходила поверх металла и была принята мастером за гравировку.

— Михаил хотел, чтобы ты подумала на отца, — сказал Марков.

— Нет. Хотел, чтобы я отвергла отца.

— Разница?

— Он оставил ошибку, которую можно проверить. Это был контрольный шов.

В 5:08 утра 18 октября 2010 года Олег Левин находился в кардиологическом центре. После инсульта ему проводили суточное мониторирование. Электроды регистрировали пульс, медсестра меняла систему в 5:06, камера коридора снимала палату.

Олег не входил в комнату на Белинского.

Но знал, что дочь там была.

Елена Викторовна принесла ещё одну записку. Она нашла её за обложкой медицинской книжки мужа.

МАША ВЕРНЁТСЯ БЕЗ ПАЛЬТО. НЕ СПРАШИВАЙ ДО УТРА. ЕСЛИ СКАЖЕТ «ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ», ЗАПИШИ ВРЕМЯ И НЕ ПОВТОРЯЙ ФРАЗУ.

Ниже стояли инициалы М. С.

— Когда отец получил её? — спросила Яна.

— За день до той ночи, — сказала мать. — Мужчина положил конверт в почтовый ящик. Олег показал мне только записку.

— Он знал Михаила?

— Называл его сыном Ирины.

— Почему позволил ему забрать меня?

— Не позволил. Пытался дозвониться в академию. Потом случился приступ, его увезли. Когда ты вернулась, он решил, что предупреждение спасло тебя.

— И снова выбрал молчание.

— Да.

Елена не защищала мужа. Это делало признание тяжелее и правдивее.

— Он боялся, что Софью найдут? — спросила Яна.

— Он боялся признать, что все эти годы защищал не дочерей, а собственное первое решение.

* * *

Софью привезли в квартиру детства днём.

Не для восстановления памяти. Она сама попросила увидеть вещи отдельно от рассказов матери. В квартире оставили только понятых и камеру без звука. Каждый предмет показывали без подписи.

Зелёную кружку Софья узнала по трещине.

— Отец склеил, — сказала она. — Я разбила её, когда Маша укусила меня за палец.

Яна помнила другую историю: будто кружка упала во время ремонта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.